



## ФЕНОМЕН ГАЛКИНА

**Ключевые слова:** Александр Абрамович Галкин

*На титульном листе нашего журнала значится: «журнал политической философии и социологии политики», «основан в 1996 г. А.М.Салминым». Чистая правда; но как это сделалось возможно? Кто основал самоё нашу «политическую философию», а также «социологию политики» и все остальные ответвления и подразделения современной политической науки, делаемой на русском языке? Кто, в некотором смысле, «основал» самого Салмина, да и многих других корифеев политического знания? Кем было посеяно семя, не заглушенное тернием, но принесшее плод — «одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать» (Мф 13:8)?*

*Это сделали всего несколько человек; может быть, десяток, от силы два; и с того поля, по твердокаменной целине которого они когда-то пропахали первые борозды, сегодня кормимся мы все. Один из этих людей, один из отцов-основателей российской политической науки — Александр Абрамович Галкин. Великая честь для нашего журнала снова и снова печатать это имя и на том же титульном листе и, главное, в списке авторов. Публикуя подборку материалов, посвященных девяностой годовщине Александра Абрамовича, мы пытаемся... не отдать долг, нет, это заведомо невозможно, такие долги не возвращаются, они остаются с должниками навсегда. Мы только пытаемся воздать должное — в меру своих скромных сил.*

*«Юбилейные» тексты написаны очень разными людьми — разных поколений, разных научных интересов, разной степени личного знакомства с Александром Абрамовичем (от близких друзей до почтительных адептов). Получилась коллекция зеркал, в которых многообразно отражаются и преломляются (как примечателен глубоко личный характер всех собранных нами омражений!) отдельные стороны «феномена Галкина». И все-таки он остается именно кантовским феноменом, Ding für uns, представлением, зависящим от нашего ума (уж у кого какой). Реконструировать таким образом ноумен, Ding an sich Галкина, конечно, не удалось и не могло удаться. Позволю себе высказать только одно сугубо гипотетическое предположение относительно «точки сборки» той удивительной композиции слова и мысли, чести и благородства, доброты и твердости, которую являет нам Александр Абрамович. Наверное, это все-таки война с фашизмом. И не только потому, что главным предметом его научных штудий стала та самая «мерзейшая мощь», которую он видел в лицо, участвовал в ее сокрушении — и знает ее отвратитель-*

ную анатомию не только в теории, но и на практике. Кажется, что **интеллектуальному подвигу** Галкина предшествовал — и в него претворился — некий **экзистенциальный опыт**. Как гласит 29-й фрагмент из Гераклита, «война — отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными». Война сотворила Галкина свободным — думаю, дело было именно так. Он преподал нам множество уроков. Важнейшим из них я полагаю урок свободы.

*Александр Абрамович, живите до 120 лет!*

**С.И.Каспэ**

**Б.И.Коваль**

## **ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО УЧИТЕЛЮ-ДРУГУ АЛЕКСАНДРУ АБРАМОВИЧУ ГАЛКИНУ ПО СЛУЧАЮ БОЛЬШОГО ЮБИЛЕЯ**

Любезный моему сердцу Саша!

Я по привычке буду обращаться к тебе на «ты», как к старшему брату. Разница в возрасте у нас небольшая — всего восемь лет. Но по уровню жизненного опыта и мудрости ты намного выше меня, потому и отношусь к тебе как к Учителю-другу. Отечественная война, в которой ты сражался против врага, а я, будучи подростком, в те годы учился в школе, как бы развела нас по разным эпохам. Ты в силу исторических обстоятельств познал жизнь и видел смерть, накопил огромную душевную энергию, которая, как и многие другие добродетели, стала для меня и моих сверстников самым ярким образцом истинной сущности благородного человека. Что же меня так восхищает в тебе? Творческий ум? Да, конечно. Твоя порядочность и теплота? Безусловно. Твое личное отношение ко мне расположено? И это тоже. Но что кроме всего этого? Сходство наших научных и гражданских взглядов? Нет, не только это предопределяет глубину взаимной симпатии. Не буду славословить тебя за умные научные трактаты, за новаторские суждения и важные открытия. Это всем и так хорошо известно. Ты — ученый крупного масштаба, потому и внес в науку огромный вклад.

Не буду вспоминать различные эпизоды из нашего делового и дружеского общения. Меня сейчас волнует не историческая конкретика, а желание прояснить для себя глубинные причины и следствия нашего товарищества.

Уже более 60-и лет я несу в себе чувство огромной радости и благодарности за твое доброжелательство и прямое или косвенное соучастие в моей научной жизни.

Чувство искренней симпатии возникает чаще всего неосознанно. Оно во многом иррационально и благодаря этому легко и мгновенно передается от одного человека к другому, без всякого предварительного размышления и настройки. К счастью, с самого начала нашего знакомства возникла некая стихийная обоюдная приязнь и сложилась душевная соразмерность. Так случается редко, особенно если эта искренняя совместимость продолжается десятилетия. Значит, есть какая-то тайная пружина для такого состояния духа. Повседневны мы не высказываем комплиментов, но подразумевается, что уважаем и ценим друг друга, расположены к откровенному и теплому общению. Чувства живут и в молчании. Более того, слова и возгласы восхищения нередко могут раздражать своей излишней экзальтацией.

Но бывают моменты, когда объективные условия настойчиво требуют четкого осознания чувств. Именно такой момент для меня наступил в связи с твоим юбилеем. В этот день можно и даже нужно отдать себе трезвый отчет в том, почему и как я тебя люблю. Такой, казалось бы, простой вопрос со стороны возлюбленной обычно ставит в тупик юношу. И он честно отвечает: «Я люблю тебя очень-очень и даже всецело». Я же свое «очень-очень» хотел бы как-то раскрыть для самого себя. Потому, дорогой друг, по наитию пишу это письмо. Возможно, оно покажется излишне сентиментальным и антиакадемическим, но я не стыжусь своих чувств, просто хочу их понять.

В моем сознании любовь к тебе схожа с чувством *аганэ* (*αγάπη*), под которым подразумевается святое и чистое отношение к Богу, родителям, детям и близким друзьям. Именно это чувство, как рассказывается в Новом Завете, создавало «у множества верующих одно сердце и одну душу» (Деян. 4: 32). Вот такое единение я испытываю и по отношению к тебе. Как говорится, «мил да люб, так и будет друг».

На Тайной вечере Иисус Христос не случайно обратился к апостолам со словами: «...любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15: 12—13). Я по своей доброй воле незаметно, но с большим удовольствием попал в зону высокого магнетизма твоей харизмы. Этой самой тонкой энергией одарили тебя боги через родителей твоих. Многие к такому перводару ты благодаря уму, воле и вкусу по ходу жизни добавил сам. В итоге сложилась личная и уникальная светлая харизма. Говоря словами Макса Вебера, «выходящая за пределы повседневности» и даже в чем-то надындивидуальная.

Само слово «харизма» в Древней Греции трактовалось как «благо, благодать, радость, талант». Прислужницы богини Афродиты хариты (в римской мифологии — грации) переносили этот дар богов на избранных персон, а ргоіі достойных самого высшего благоволения. Не случайно, конечно, что спустя два с половиной тысячелетия кто-то из красавиц-хариток (не знаю, Аглая или Гегемона) и тебе принесли энергию исключительности и необыкновенную силу духа. Твоя личность буквально притягивает к себе других, заряжает их своей энергией, дает

ориентир жизненной активности. Политики такого типа естественным образом становятся лидерами, за которыми идет «массовый человек». Другое дело, что дурные вожди могут использовать свою харизму на пользу злу и против добра.

Но я говорю о светлой харизме. Именно таким даром обладаешь ты, мой друг... Вот почему мне так приятно пребывать в зоне твоего человеческого магнетизма. Видимся мы в последние годы редко, но в душе я постоянно испытываю эту радость. Как говорит Аглая в «Фаусте» Гёте, «приятно счастьем наделять», а сестра Евфросина уточняет: «Но еще слаще, получая, благодарить и вспоминать»<sup>1</sup>. И то, и другое суждение верно в одинаковой степени. У тебя открытое сердце, которое само по себе очищает наши души. В харизме удивительным образом сливаются некие небесные и земные качества души, образуется чудесная синергия материи и духа. В связи с этим я вспоминаю великую мысль Владимира Соловьева, отмечавшего, что человеку «естественно тяготеть к идеалу сверхчеловека»<sup>2</sup>. Такую силу я вижу в харизме. Поэтому-то в твоём творчестве ratio так чудесно сочетается с интуицией и озарением. Без этих духовных энергий, на мой взгляд, не может быть высокой науки. Всегда появлялись квазихаризматики (в христианстве их именуют антихристами), некоторые из них достигали немалой популярности, но в конце концов гибли или превращались в «харазматиков» (по аналогии с маразматиками). Иное дело харизматики реальные, к каковому я с полным основанием отношу тебя, мой брат. Я чувствую в тебе какую-то особую духовность — в ее общефилософском, а не церковном смысле. Она-то и стимулирует мою глубокую симпатию и признательность.

По словам мудрого Тертуллиана, одного из первых христианских богословов, жившего на рубеже II—III вв. нашей эры, «можно подумать, что мы существуем отдельно от души, в то время как все, что мы есть, и есть душа. Одним словом, без души мы — ничто, даже не люди по названию, а просто трупы»<sup>3</sup>. Думаю, что великий теолог прав.

К счастью, у тебя большая, разумная и теплая душа, с которой приятно и полезно общаться каждому. И еще один момент, на котором стоит остановиться, поскольку в наше время очень многие люди под влиянием интернета, пиара и гордыни воздерживаются от напряжения собственных мозгов. Своими мозгами, слава Богу, ты работаешь прекрасно. В обстановке, когда добро и зло с удовольствием переплетаются и даже меняются местами, особенно важно думать свободно и самостоятельно. Для этого, конечно, нужна сильная воля. Когда она освещается разумом, то становится фундаментом индивидуальной независимости даже при неблагоприятных объективных обстоятельствах. На твоём пути таких обстоятельств было немало, но они только закалили характер и показали пример «свободы воли».

Немалое твоё достоинство состоит и в чувстве высокой нравственности и доброжелания, эластичности эмоциональных и психических поступков, уважении к другим и исключительной скромности. Эта

<sup>1</sup> *Цит. по: Петискус А.Г. 2000. Боги и легенды Олимпа. — М. С. 107.*

<sup>2</sup> *Соловьев В.С. 1989. Сочинения в двух томах. Т. 2. — М. С. 613.*

<sup>3</sup> *Тертуллиан К.С.Ф. 1994. Избранные произведения. — М. С. 23.*

черта иногда бывает даже избыточна. Гордыня — это грех, но и аскетизм тоже не годится. Во всем нужна умеренность. Прости за это назидательство: ученику негоже поучать Учителя. В отличие от Пифагора, ты не шпыняешь своих учеников и подчиненных, как капризный старшина новобранцев, а относишься к ним как добрый отец и наставник. Главная твоя добродетель — это справедливость. Ее так не хватает в общественной и частной жизни, что остается только восхищаться ее наличием в душе человека. То же самое можно сказать и о глубокой порядочности, которая заметно отличает тебя от ряда других лиц, в том числе и обретающихся в научном мире. Талант человека и ученого свидетельствует о неординарности личности, о силе духа и благородстве души. Данте в трактате «Пир» заметил: «...нет более законного и более приятного способа почтить самого себя, чем почтить друга»<sup>4</sup>. Поэтому я и испытываю особое наслаждение, справедливо и с полным основанием воспеваю тебя.

<sup>4</sup> Данте Алигьери. 1998. Божественная комедия. Новая жизнь. Стихотворения, написанные в изгнании. Пир. — М. С. 627.

На этом признании завершаю свое письмо. О многом еще я бы мог сказать, но словами чувства все равно не измерить. Оставлю кое-что для тоста перед рюмкой за твое здоровье. Прости за сумбурность, но править текст я не стал, чтобы не потерять первоначального уровня искренности и наития.

Желаю тебе крепкого здоровья, радости, душевного равновесия и творческого харизматического энергизма.

Сердечно обнимаю!

Твой Борис Коваль

P.S. По просьбе редакции «Политии» я счел возможным передать этот текст в печать. Уж очень хочется поговорить о тебе с другими читателями — почитателями твоего яркого таланта.

## А.С.Черняев Моему другу 90

Более неправдоподобно, чем когда год назад с самим случилось то же самое. Он моложе не только календарно.

Писать о друге «со стороны», как это принято в юбилейных академических сборниках, у меня не получится. Невольно соскочишь на тривиальное: «он и я». Впрочем, в данном случае это оправданно: знакомству нашему более полувека. Его коллеги ученые, наверно, напишут иначе.

Что нас толкнуло друг к другу? Скорее всего, что мы — с Войны. Оба фронтовики. Мне потребовался год, чтобы по ее окончании осво-

бодиться из армии. Ему — несколько лет: он оказался в Контрольной комиссии по Германии.

Что это значило, что мы прошли Войну? Мы знаем, чего стоит жизнь и чего она не стоит, своя и чужая. Если и вспоминали каждый о своей войне, то главным образом о ее нелепостях и преступлениях против человека.

Саша появился на кафедре новой и новейшей истории истфака МГУ в гимнастерке и даже еще при погонах. А я доучивался, потому что Война застала меня при завершении 3-го курса. После университета жизнь нас иногда разводила далеко — а бывало, ставила рядом, плечом к плечу. В 1970-х годах мы восстали (оба рискуя) с двух концов — он из Академии наук, я из Международного отдела ЦК — против трапезниковско-федосеевской претензии на абсолютную истину... По, казалось бы, пустяшному на теперешний взгляд поводу. Но тогда это было дело принципа — против мракобесия и за здравый смысл в науке и в политике, управлявшей наукой.

Галкин был к тому времени уже известным ученым, одним из авторитетных наших германистов, историком-теоретиком. Не победили мы, но показали, что можно и нужно бороться с непопорядочностью и корыстью в общественно-научной среде.

Саша Галкин — автор многих книг и огромного количества статей, редактор десятков сборников, с помощью которых, между прочим, выпускал на творческую дорогу своих многочисленных учеников. Участник несчетного числа конференций, научных встреч, круглых столов, в том числе за рубежом.

Он прекрасный оратор, хотя иногда и увлекающийся словом.

У меня целая библиотека его произведений, каждое из которых я читал, а некоторые использовал для своих занятий и самообразования.

Бывали мы с ним и в амплуа «белых негров». Но не без пользы для себя самих: ведь умение приобретается не только при изготовлении собственного изделия, но и при обработке чужих. Не только на своих импровизациях, но и когда упражняешься по нотам.

Делали мы сообща и коллективные работы, редактируя друг друга, споря и советуясь, заимствуя.

Ему приходилось писать и такое, с чем он не согласен. Но это несогласие было теоретическое, даже иногда мировоззренческое. По себе знаю. Однако ни в одном из его сочинений вы не найдете, чтобы он поступился моралью, допустил что-то непопорядочное, недостойное интеллигентности высокой пробы.

Саша органично доброжелателен, мягок, покладист и в повседневном общении, и в работе, внимателен и поразительно ненавязчив даже когда это было бы уместно по делу. Отточенное чувство собственного достоинства. И непримиримость, твердость, когда безобразия и подлости хватают через край. Эти качества за ним знали и на начальственных постах, на которых он побывал в разных институтах. В том числе и во время августовского путча 1991 г. Галкин был тогда одним из руководителей Института общественных наук при ЦК КПСС.

Наша дружба определяется нашим пониманием морали и культуры. По содержанию и значимости это для нас одно и то же. Некультурное одновременно и безнравственно. Кто-то из нас был бóльшим марксистом, кто-то, по сути, совсем им не был, но это «тождество» никогда не обрывалось. Не оборвалось оно и тогда, когда мораль вообще исчезла из нашего общества.

Этой связкой морали с культурой мы обязаны прежде всего русской литературе XIX столетия и Серебряного века и — в определенном смысле — советской культуре, которая вопреки идеологии исповедовала те же ценности (заслуживающие, конечно, этого названия), что и до 1917 г.

На протяжении многих десятилетий я встречался с людьми, знавшими Галкина близко или понаслышке, и нигде, ни от кого, прямо или из третьих уст, я не слышал ничего неприязненного или осуждающего. Никогда ни перед кем не заискивая и никому не кланяясь, он в любой ситуации оставался самим собой, вызывающим либо просто уважение, либо также и искреннюю симпатию. Умный, спокойный, неувыдаемо творческий, настоящий ученый (но без гелертерства!), в меру активный, «когда надо».

**Т.А.Алексеева**

## **Научный подвиг**

Мое первое, тогда еще заочное знакомство с Александром Абрамовичем Галкиным произошло в 1967 г., когда вышла его сравнительно небольшая книга с простым названием «Германский фашизм». До сих пор помню впечатление от ее прочтения, побудившее меня позднее написать кандидатскую диссертацию о советско-германских отношениях накануне второй мировой войны. Александр Абрамович, по просьбе еще одного крупнейшего германиста Даниила Ефимовича Меламида (Мельникова), дал отзыв на автореферат, поддержав мою, как мне сейчас кажется, еще полудетскую, наивную работу, за что я ему по сей день благодарна.

Следует принять во внимание временной контекст, в котором его работа о фашизме появилась на прилавках книжных магазинов. Хотя после окончания Великой Отечественной войны прошло уже 20 лет, война была все еще рядом — в рассказах переживших ее родителей и учителей; в лицах инвалидов, которых можно было встретить повсеместно на тележках, которые они толкали руками; в пустых глазах одиноких стариков, потерявших всех близких; в безотцовщине шпаны; во все еще не восстановленных руинах зданий, особенно в той части страны, где шли боевые действия. Само слово «фашист» было не просто руга-

тельным, оно было уничтожающим. Мы наизусть заучивали определение фашизма, тиражируемое в многомиллионных учебниках по истории партии, но так и не дававшее ответа на вопрос, кем был наш враг, победа над которым досталась такой дорогой ценой, откуда он появился и можно ли считать, что он принадлежит прошлому.

В этом смысле работа Галкина представляла собой не просто прорыв, но научный подвиг. Трудно себе вообразить, что значило для историка-фронтовика, награжденного боевыми орденами, вновь погрузиться в недавнее прошлое, опять пережить его в новых условиях в поисках ответа на вопрос, что же это за явление. И снова вернуться к нему спустя четыре года в книге «Социология неофашизма», ясно и недвусмысленно продемонстрировав, что фашизм не исчез с лица земли, что он рядом с нами и снова копит свои разрушительные силы зла. Уверена, что это было крайне тяжело морально, но, вероятно, он видел в этом свой долг воина и ученого.

Конечно, в тех условиях Галкин не мог полностью пересмотреть утвержденный «сверху» канон интерпретации фашизма как союза монополистической буржуазии с наиболее агрессивными милитаристскими кругами, но он сумел выйти за ограниченность этой формулировки, показав, что фашизм как явление значительно сложнее и многограннее. Прежде всего он поставил перед собой знаменитый научный вопрос, который и сегодня отличает действительного ученого от простого описателя каких-то явлений и процессов: почему? Почему в Германии, Италии, Испании и Восточной Европе как бы «вдруг», из ниоткуда, возникли массовые движения «правого» толка, объяснить появление которых только манипулированием со стороны власти и капитала невозможно? Какие причины породили именно такой ответ на первую мировую войну, «левые» революции и тяжелейшие экономические кризисы?

И Галкин соединяет исторические события с таким явлением, как крайний национализм, описанный им со скрупулезной точностью, и социальными процессами, представляя фашизм как тяжелейшую болезнь общества, болезнь, скорее залеченную, нежели преодоленную полностью. Эта болезнь вновь вспыхивает в неприятии мигрантов, в бытовом антисемитизме, в авторитарной нетерпимости к чужому мнению, в стремлении к простым и жестким решениям, в желании любой ценой отгородиться от окружающего мира. Не знаю, был ли Александр Абрамович в то время уже знаком с трудами философов Франкфуртской школы о тоталитаризме, или он самостоятельно пришел к сходным выводам, но ему удалось донести их до читателя «между строк» — с помощью особого искусства, которым тогда неплохо владела интеллигенция. И это еще один пласт его исследования — он писал о фашизме, но подразумевал не только его довоенную германскую версию, затрагивая проблемы государственного управления и идеологии, о которых не было принято говорить или писать в те годы в таком ключе и такой стилистике.



Александр Абрамович всегда занимался самым главным, острым, саднящим. Спустя немало лет я готовилась к лекции для студентов — мне нужно было найти различия между глобализацией и глобализмом. В интернете открылся текст, который мне очень понравился прозрачной ясностью и четкостью формулировок. Получив всю необходимую информацию, я захотела узнать, кто же автор этого текста, — как оказалось, это был профессор Галкин. Неудивительно, что он занялся глобализацией, о которой вроде бы не писал только ленивый, — слишком много работ, некритично повторяющих западные источники или выдающих желаемое за действительное. И снова тот же вопрос: не просто «что происходит?», а «почему?». И ответ Галкина, с которым можно соглашаться или не соглашаться, но ответ собственный, продуманный, осмысленный, сформулированный с чеканностью лозунга.

Отдельная тема исследований Галкина — процессы в политической науке, прежде всего отечественной. Совместно с Г.Х.Шахназаровым, Ф.М.Бурлацким, В.В.Мшвениерадзе и другими он стоял у истоков политической науки в нашей стране, пробиваясь сквозь стену непонимания, недоверия, идеологической ортодоксии, верившей в то, что марксизм дал уже ответы на все политические вопросы. Благодаря таким людям, как Галкин, нередко рисковавшим карьерой и даже профессией, появилась политология как наука, включенная в реестры Высшей аттестационной комиссии и после 1991 г., когда кафедры научного коммунизма и истории партии в одночасье были переименованы (но далеко не всегда преобразованы) в кафедры политологии, со скоростью урагана распространившаяся по всей стране. Александр Абрамович тратил немало времени на отстаивание научности новой дисциплины, ее методологии, ее нового, свежего взгляда на мир. И он снова вернулся к этой теме в 2004 г. в книге «Размышления о политике и политической науке» — результату наблюдений за развитием политологии в России и за рубежом. Его оценки не всегда приятны, он обращает внимание на опасность идеологизации политологии как новой редакции «научного псевдолиберализма» или «научного псевдокоммунизма», не скрывает увлечения некоторых авторов схоластикой, повторением банальностей, их нежелания думать самостоятельно и анализировать новые феномены без предвзятости и шор на глазах.

Вместе с тем Александр Абрамович всегда готов поддержать начинающих исследователей. Помню, как в одном из фондов, в котором он был экспертом, сотрудник тихонько посоветовал мне: «Давайте Галкину на рецензию заявки, в которых Вы уверены, он добрый, слишком часто ставит хорошие оценки». Многие получатели грантов даже не догадываются, что обязаны этим именно его внимательным и доброжелательным рецензиям. В самом деле, что это, доброта? Думаю, скорее мудрость много повидавшего и много сделавшего в науке человека, знающего, что люди, даже еще почти беспомощные как ученые, но обнаружившие хотя бы проблеск самостоятельной мысли, должны получить свой шанс, даже если не умеют писать заявки. И такие шансы он открыл и продолжает открывать для очень многих.

**К.Г.Холодковский**

## **Наш Александр Абрамович**

Александр Абрамович Галкин, славный юбилей которого мы сейчас отмечаем, — несомненно, один из самых замечательных людей, действующих ныне на поприще общественных наук. Верится с трудом, но мы знакомы с ним уже без малого полвека. Это срок, в течение которого поневоле, в том числе и в силу трудных условий, в которых существовала наша наука, пришлось испытать немало разочарований в научном и человеческом достоинстве тех или иных людей, функционирующих в нашей сфере. Но за все это время Александр Абрамович ни разу не дал повода для подобных чувств.

Мне довелось дважды, в общей сложности больше 10 лет, работать вместе с Александром Абрамовичем, который был моим начальником, и должен сказать, что это были памятные и плодотворные годы, тем более что другой, подчиненный Галкину, командный пост (заведующего сектором) занимал тогда Герман Германович Дилигенский. Этот дружный тандем обеспечивал максимально благоприятные условия для живой, эффективной, радостной коллективной научной работы, вдохновляемой выдвигаемыми им серьезными, свежими для того времени идеями, — и не в последнюю очередь потому, что брал на себя львиную долю приходивших из партийных инстанций конъюнктурных заданий.

Занимая руководящие посты среднего уровня, Александр Абрамович вынужден был тратить много сил на выстраивание таких отношений с высоким начальством, в которых поневоле приходилось прибегать к дипломатическим ухищрениям, но при этом, в отличие от многих других, в его позиции не было ни тени подбострастия. Его пребывание — правда, не слишком долгое — на посту заместителя главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения» существенно облегчало нашим сотрудникам задачу пробиться сквозь железные заслоны на пути свежей мысли, который ставил его главный редактор Яков Семенович Хавинсон. (Согласно преданию, одним из безусловных требований этого последнего к авторам было: «Покажите мне, где это уже сказано».)

Мне приходилось наблюдать Александра Абрамовича в разной обстановке — от официальных заседаний, на которых он всегда занимал по отношению к начальству разумную, независимую и в то же время гибкую позицию, до байдарочного похода, где мы, как помнится, вместе любовались неожиданно ниспосланной нам картиной почти полного лунного затмения. И всюду он показывал себя мудрым, опытным, неизменно благожелательным старшим товарищем, умеющим быть серьезным, требовательным в работе и веселым, «своим» в дружеском общении. Счастливая способность к живым человеческим контактам, без всякой официальной, командирской и академической гоноры, отличала Александра Абрамовича от многих других руководителей.

Думается, что именно сложности отношений с начальством в небольшой степени и объясняли довольно частую перемену Галкиным места работы. Мы перестали с ним быть сослуживцами, но я всегда внимательно следил за его трудами, находя в них много для себя полезного. При этом мы могли с Александром Абрамовичем долгое время не общаться, но каждый раз, встречаясь даже после длительного перерыва, мы разговаривали с ним так, как будто виделись вчера. И это не потому, что я был с ним как-то особенно близок. Просто Александр Абрамович способен долго сохранять добросердечное, дружеское расположение к тем, кого когда-либо узнал как человека, близкого ему по духу.

В те давние времена, когда мы с ним познакомились, Александр Абрамович воспринимался прежде всего как специалист по Германии. Все знали его как автора фундаментальной работы о германском фашизме, которая нанесла удар по легковесному пропагандистскому представлению об этом феномене, показав его сложный, многослойный (и тем более опасный) характер. Но очень скоро стало ясно, что Галкин обладает широкой эрудицией и его научные интересы далеко не ограничиваются немецкой тематикой. Особенности современного этапа развития западного общества, природа общественных противоречий капитализма второй половины XX в., его внутренние резервы и перспективы развития, сильные и слабые стороны социал-демократии и рабочего движения — по всем этим вопросам Александр Абрамович имел свое мнение, основанное на фактах и не всегда совпадавшее с каноническим. Если бы не было в Советском Союзе ученых, подобных Галкину, унаследованный от советской поры историко-политологический багаж оказался бы при переходе к новым временам попросту мертвым грузом, и общественные науки сидели бы у разбитого корыта.

После падения советской власти Галкин без всякого труда включился в исследование современных российских социально-политических проблем и, несмотря на свой уже далеко не молодой возраст, очень скоро стал крупным авторитетом и в этой области. К его трудам, равно как и к работам часто выступавшего вместе с ним Ю.А.Красина, обращается каждый, кто задумывается о будущем России.

Стиль научных трудов Александра Абрамовича — счастливое сочетание глубины и ясности. Пишущие на социально-политические темы часто не могут избежать одной из двух крайностей: либо сугубой, зверской серьезности, которая часто ведет к чрезмерному усложнению изложения, либо (в стремлении сделать текст максимально доступным) легковесности. Работы Александра Абрамовича подчинены строгой логике, но им совершенно чужды сухость и псевдонаучное занудство.

Наш юбиляр внес весомый вклад в исследование современной социально-политической ситуации в России, вскрыв ее сложную специфику, не имеющую, однако, почти ничего общего с той идеологизированной и возведенной в культ «особостью» и «самобытностью», которую подняли на щит апологеты авторитарного режима. Его анализ убедительно доказал, что авторитаризм, не обеспечивающий обратной связи между государством и обществом, в какие бы просвещенные оде-

яния он ни облачался, не в состоянии решить ни одной проблемы российского общества и способен лишь, порождая те или иные паллиативы, загнать эти проблемы вглубь. В то же время он продемонстрировал, как трудно в российских условиях наладить эту обратную связь, какая кропотливая работа по выращиванию гражданского общества, развитию местной инициативы, восстановлению утраченного доверия между людьми предстоит россиянам. Исследования Галкина, посвященные гражданскому обществу, год от года становятся все актуальнее для пока еще недооценивающей эту сторону дела практической политики.

Александр Абрамович не теряет из поля зрения и процессы, происходящие на мировой арене. Воздействие глобализации и порождаемые этим проблемы, изменение функций государства, возможная новая роль федерализма, кризис консерватизма и социал-демократии на Западе, опасный рост этнонационализма (угроза, существующая и в современной России) — по всем этим проблемам у него есть своя подкрепленная фактами точка зрения.

Без участия Галкина не обходится ни одно значимое научное мероприятие, ни один симпозиум или обмен мнениями. Диву даешься, откуда у него в его годы берутся на это силы. Хочется пожелать, чтобы и впредь мы часто видели Александра Абрамовича на научных конференциях и читали его новые книги и статьи. Это важно для передачи исследовательской эстафеты новым поколениям, для поддержания как можно более высокого уровня нашей общественной науки.

**С.В. Михайлов**

## **ПАТРИАРХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ**

Роль Александра Абрамовича Галкина в становлении и развитии отечественной политической социологии без преувеличения можно назвать уникальной. К этому научному направлению, лежащему на стыке социологии и политологии, его исследовательские интересы стали тяготеть еще задолго до того, как обе названные дисциплины получили у нас в стране официальное признание.

Именно Галкину принадлежит первый фундаментальный труд, который, формально проходя под маркой исторического, по сути являлся междисциплинарным. Речь идет о его монографии «Германский фашизм», увидевшей свет в 1967 г. и сразу же ставшей событием. К тому времени уже имелись горы литературы по этой проблематике, но под таким углом зрения данное явление еще не исследовал никто. Книга была раскуплена сразу, как, впрочем, и второе ее издание, вышедшее

более 20-и лет спустя. По индексу цитирования «Германский фашизм» уступал разве что трудам классиков марксизма-ленинизма, без ритуальных ссылок на которые не обходилась в те годы ни одна обществоведческая работа.

Неудивительно, что при создании в 1969 г. в рамках Академии наук СССР Института конкретных социальных исследований (внести в его название слово «социология» у властей предрержавших тогда так и не поднялась рука) Галкин встал во главе научного подразделения, ориентированного на решение исследовательских задач политико-социологического плана. Примерно к этому времени можно отнести и начало складывания научной школы Галкина<sup>5</sup>.

<sup>5</sup> *Подробнее см. Михайлов С.В. 1999/2000. У истоков отечественной политической науки (К 30-летию научной школы А.А. Галкина) // Полития. № 4.*

В ИКСИ АН СССР профессор Галкин со своей группой пробыл относительно недолго. Оттепель 1960-х годов, порождением которой, собственно говоря, и был новый институт, завершилась подавлением «пражской весны» и закручиванием идеологических гаек. Помешать становлению самого института это уже не смогло, но его первый и очень яркий состав явно оказался не ко времени и вскоре был фактически разогнан. Кстати, возвращение Александра Абрамовича в Институт социологии все-таки состоялось, но произошло это почти 40 лет спустя.

Сектору Галкина тогда повезло, пожалуй, больше других — почти в полном составе и с сохранением прежней тематики его удалось переместить в Институт международного рабочего движения АН СССР. Ключевым фактором, побудившим Галкина перейти именно туда, несомненно, была свободная творческая атмосфера, которой славился ИМРД в первые годы своего существования. Эта атмосфера в немалой степени способствовала тому, что за короткое время команда Галкина окончательно оформилась как коллектив единомышленников, нацеленных на серьезный научный поиск.

С самого начала одной из отличительных особенностей школы Галкина было использование в исследовательской работе огромного массива эмпирических данных. Теоретические выводы строились и выверялись на обширном и разноплановом фактическом материале, сводимом к сопоставимой основе. Своего рода визитной карточкой коллективных монографий галкинской школы стало также применение принципа «страна-образец». Для того чтобы выявить особенности протекания одних и тех же процессов в разных условиях, отбирались и сравнивались не просто страны, а страны, наиболее показательные для определенного типа развития.

Первой коллективной работой, начатой под руководством Галкина, было изучение власти и механизмов ее реализации. Многие годы проводились изыскания в области политического, в том числе электро-рального, поведения массовых групп населения. В центре внимания находились механизмы формирования, сохранения и изменения политических предпочтений, взаимодействие базовых политических ориентаций и конкретных политических вызовов. При рассмотрении системы внешних воздействий на сложившиеся ориентации оценивались воз-

возможности и пределы манипулирования политическим поведением граждан. В разные годы объектами анализа становились технологические сдвиги и их влияние на общество, маргинальные слои, общественная стабильность, гражданское общество.

В ряде случаев Галкин инициировал проекты по темам, вроде бы лежащим в стороне от политической социологии, таким как социальная стратификация или социальная мобильность. Обращение к первой было вызвано тем, что анализ политического поведения массовых групп населения предполагал использование материалов, связанных с социальной стратификацией общества, а имевшиеся на тот момент работы, равно как и первичные источники, далеко не в полной мере отражали быстрые и весьма радикальные изменения (как количественные, так и качественные), происходившие в социальной структуре западных стран. Только построение стратификационной модели на сопоставимой основе и в динамике за несколько десятилетий открывало путь к углубленному исследованию текущих и потенциальных сдвигов в избирательном корпусе. Что касается изысканий в области социальной мобильности, то, обладая немалой самостоятельной ценностью, они имели серьезное значение, в частности, при изучении особенностей формирования группового сознания.

Под воздействием «внешних обстоятельств» титулатура научных подразделений, которые возглавлял Галкин, неоднократно менялась, но при всех ее изменениях вектор научных поисков никогда существенно не отклонялся в сторону. Сложнее обстояло дело с названиями выпускаемых книг. Так, хотя, по мнению авторитетных ученых, книга по социальной мобильности была одной из лучших работ, подготовленных в 1970-е годы авторским коллективом под руководством Галкина, ее судьба оказалась довольно печальной. Название «Особенности воспроизводства рабочего класса развитых капиталистических стран», данное ей в ИМРД АН СССР по «тактическим соображениям», оттолкнула от нее значительную часть читателей, и монография по столь важной и вызывавшей огромный интерес проблематике не получила той известности, которую заслуживала.

Уже на исходе существования СССР понятие «школа Галкина» фактически вышло за пределы одного академического института и даже системы Академии наук в целом. Ученики и последователи Галкина работали в самых разных учреждениях (особенно с начала 1990-х годов, поставивших отечественную науку на грань выживания), но при этом вокруг него неизменно сохранялся и продолжает сохраняться компактный творческий коллектив, продолжающий традицию публикации результатов совместных усилий.

На протяженную творческую жизнь Александра Абрамовича пришлись целых две тектонические подвижки, связанные с единовременной легализацией научных дисциплин, на стыке которых он давно и плодотворно работал. Сам характер возвращения социологии и политологии в отечественную науку таил в себе немалые опасности. Мало того, что признание и последующее поощрение социологии «сверху»

неизбежно предполагали скрещивание ее с тогдашней ортодоксальной идеологией — они обрекали дисциплину на воспроизводство сугубо поверхностного и упрощенного сценария «реставрации». В стране почти не было — да и не могло быть — специалистов в этой области, зато за короткое время в штатных расписаниях научных учреждений, государственных структур и даже крупных предприятий появились должности «социологов». Новая терминология была усвоена довольно быстро, чего нельзя сказать о профессиональных знаниях. Одно из свидетельств тому — тогдашняя распространенность примитивных имитаций социологических опросов.

С политологией дело обстояло еще хуже. Ее признание совпало с «упразднением» марксизма как государственной идеологии, что повлекло за собой массовое переименование кафедр истории КПСС и научного коммунизма в политологические. Излишне говорить о качестве преподавания политологии в подобных структурах и, соответственно, об уровне подготовки их выпускников.

Неудивительно, что на этих перепутьях фигура Галкина становилась как бы противовесом таким перекосам. Его исследования являли собой пример естественного поступательного развития, опирающегося на наработки мировой науки. Столь же неудивительно, что немалая часть «новых политологов» вполне искренне полагает, что все началось с 1990-х годов, и видит в себе первопроходцев.

Практически вся жизнь Александра Абрамовича прошла под знаком творческой деятельности, за вычетом разве что фронтовых лет. И даже последовавшие за ними три года службы в Советской военной администрации в Германии были связаны прежде всего с аналитической работой, тем самым подготавливая почву для обращения его к исследованию социально-политических процессов. Судьба уберегла Галкина от занятия таких позиций в научной иерархии, которые имели существенную административную составляющую и требовали активного переключения на иные виды деятельности.

Феномен Галкина не сводится только к его многогранному таланту как большого ученого с мировым именем. Для нашей страны уникальна сама ситуация, когда десятилетия за десятилетиями, в условиях самых разных социально-политических систем исследователь продолжает методично и целеустремленно заниматься поиском истины, причем происходит это в идеологизированной и политизированной сфере общественных наук.

И, наконец, поистине уникально то обстоятельство, что нынешний юбилей, при всей внушительности его цифровых показателей, является поводом для подведения лишь предварительных итогов. Александр Абрамович продолжает интенсивно работать, как и прежде оставаясь генератором свежих идей. В сферу его научных интересов по-прежнему входят выявление, анализ и прогнозирование социально-психологических и политических следствий трансформации современного общества, и каждая его новая работа неизменно оказывается событием.

**А.В. Шестопап****Жизнь в Большом времени**

Задолго до встречи и начала совместной работы с Александром Абрамовичем Галкиным я слышал о нем от близких ему людей, прежде всего от его многолетнего соавтора Федора Михайловича Бурлацкого. С Бурлацким мы познакомились в конце 1960-х годов. Это было непростое для него время. После сложных приключений Бурлацкий оказался в Институте общественных наук, где мы вместе проработали 17 лет. Тогда мы любили прогуливаться по бульварам Ленинградского шоссе от метро «Аэропорт» до метро «Динамо» и, как говорил Ф.М., «колебать мировые струны». Частой темой во время этих прогулок были совместные проекты Федора Михайловича и Александра Абрамовича — сначала «Социология. Политика. Международные отношения», потом «Современный Левиафан», статьи, доклады, которые вызывали интерес у широкой аудитории, но подчас бурную реакцию у части «руководящих читателей». И всегда Бурлацкий говорил о своем соавторе не только как о талантливом ученом, но и как о верном друге, на которого можно положиться «при любой погоде».

Другим человеком, который рассказывал мне о Галкине, был его ученик Алексей Михайлович Салмин, с которым я виделся у нашего общего мгимовского профессора Николая Никаноровича Разумовича. Разумович, как и Галкин, прошел войну, и Салмин любил сравнивать их с молодыми офицерами, проделавшими европейский поход 1813—1814 гг., — будущими декабристами.

В 1987 г. Александр Абрамович стал проректором по науке Института общественных наук, ректором которого незадолго до того был назначен Юрий Андреевич Красин. Мы проработали вместе пять лет. Первые два года — в особенно тесном, повседневном контакте, поскольку я был ученым секретарем Института. Потом я стал заведующим кафедрой философии, сменив Бурлацкого, который был избран членом Верховного Совета СССР.

Институт общественных наук при ЦК КПСС был создан еще во времена Хрущева для работы со слушателями из левых партий. В нем учились представители более 60-и коммунистических, социалистических и революционно-демократических партий. Первоначально предполагалось, что ректором этого «мини-Коминтерна» будет Суслов (по совместительству, конечно, но для него был отделан огромный кабинет). Под него же подбирались преподавательские кадры. Но Суслов, потянув некоторое время, отказался, и во главе ИОНа встал бывший ректор МГИМО Федор Данилович Рыженко, приведший с собой большую команду мгимовцев. Так в преподавательской среде ИОНа образовался слой «сусловцев» и слой «рыженковцев» (или «андроповцев»), поскольку Рыженко опирался на мощную поддержку Андропова). Большинство преподавателей ИОНа вели занятия на иностранных язы-



ках, включая восточные. Благодаря Рыженко, не боявшемуся приглашать людей с самостоятельными взглядами и сложными биографиями, в Институте сложился блестящий круг почасовиков, читавших спецкурсы. Назову Мамардашвили, Ильенкова, Фролова, Кона, Грушина, Разумовича, Ашина, Здравомыслова...

Приход Александра Абрамовича в ИОН ознаменовался расширением международных связей: вновь появились группы из «еврокоммунистических» партий — итальянской, испанской, французской, завязались контакты с социал-демократами и христианскими демократами. Оживилась научная работа, чаще стали проводиться круглые столы, семинары, симпозиумы, в которых принимали участие сотрудники институтов Академии наук. В ИОНе и раньше было не принято уходить от острых вопросов слушателей, но Александр Абрамович сам предлагал острые повороты тем для дискуссии. Подготовкой семинаров он занимался лично и проверял все очень тщательно, прениями руководил четко, уважительно, с чувством юмора. Материалы дискуссий публиковались в «Лабораторных тетрадах ИОН», быстро получивших популярность в академической и университетской Москве.

Из дискуссий тех лет, инициированных Александром Абрамовичем, мне вспоминается обсуждение вопроса о мобилизационных моделях советского периода. Галкин тогда выступил против «прокурорского подхода к истории», против «игнорирования исторического контекста, реалий, определявших ход исторических событий»<sup>6</sup>. Он подчеркивал, что мобилизационные механизмы и основанные на них административно-командные системы не однотипны и не могут автоматически отождествляться с тоталитаризмом и террором. «Чем дальше мы углубляемся в историю, — писал он в другой работе тех лет, — тем больше убеждаемся в том, что на определенных этапах, при чрезвычайных обстоятельствах такая система оказывалась способной успешно решать стоящие перед ней задачи»<sup>7</sup>. Размышления Александра Абрамовича о мобилизационных моделях перехода от доиндустриального к индустриальному обществу представляются мне не утратившими своего значения для современных дискуссий о форсированном переходе России и других стран среднего уровня развития от индустриального к постиндустриальному этапу.

С темой эффективности мобилизационных моделей была тесно связана и тема выхода из мобилизационного периода. Еще в декабре 1989 г. Александр Абрамович предупреждал, что «обгоняющее развитие политических реформ при нерешенных экономических проблемах (а тем более — при кризисном состоянии экономики)» чревато «далеко идущей дестабилизацией общественных структур». Более того, определенные силы «сознательно делают ставку на обгоняющее развитие политических реформ, рассчитывая на то, что вызванная этим дестабилизация создаст благоприятные условия для реализации их планов». «В действительности же, — продолжал он, — дестабилизация, обусловленная отставанием экономических преобразований, крайне опасна для всего общества, ибо, повинувшись собственной логике развития, неиз-

<sup>6</sup> Галкин А.А. 1990. Становление социалистического общества: опыт осмысления // Феномен социализма: Сущность, закономерность, перспективы. — М. С. 49.

<sup>7</sup> Галкин А.А. 1991. Становление политической науки: от философии политики к политическому моделированию // Шестопал А.В. (ред.) Мировое сообщество: философия политики и политические процессы. — М. С. 31.

<sup>8</sup> Галкин А.А. 1990. Становление социалистического общества: опыт осмысления // Феномен социализма: Сущность, закономерность, перспективы. — М. С. 57—58.

<sup>9</sup> Там же: 60, 64.

<sup>10</sup> Quo vadis? Перспективы становления гражданского общества в России. 2012 // Полис. № 2. С. 124.

<sup>11</sup> Галкин А.А. 1991. Становление политической науки: от философии политики к политическому моделированию // Шестопал А.В. (ред.) Мировое сообщество: философия политики и политические процессы. — М. С. 22.

бежно создает ситуацию с крайне неопределенным исходом»<sup>8</sup>. Звучит так, как будто сказано сегодня. Чем больше все меняется, тем больше все остается по-прежнему, как говорят французы.

Помимо темпов политических реформ живо обсуждался вопрос об их институциональном оформлении. И здесь позиции Александра Абрамовича и его близких друзей не всегда совпадали. Так, в отличие, скажем, от Салмина, Галкин критически относился к традиционной парламентской системе со свойственным ей долгосрочным делегированием власти и отчуждением значительной части населения от политического процесса и приветствовал создание «такой ситуации, при которой политическая система не доминировала бы над гражданским обществом, а лишь создавала оптимальные условия для его существования и развития»<sup>9</sup>. При этом он осуждал противопоставление политической системы и гражданского общества и указывал на недопустимость идеализации последнего, считая, что ответственность за конфликты может лежать как на власти, так и на гражданском обществе, которому бывают присущи безответственность и неумеренные притязания.

Я вспомнил эти беседы последних лет перестройки, читая недавнее выступление Александра Абрамовича, где он говорил, обращаясь уже к сегодняшней аудитории: «В кризисных ситуациях, когда государство ослаблено, возможно стихийно-разрушительное давление гражданского общества, которое в состоянии подорвать способность власти решать свойственные ей задачи. В такие периоды гражданские институты склонны брать на себя не входящие в их функции властные полномочия. А это чревато ослаблением рычагов политического регулирования и даже анархией. Власть, оказавшись в руках гражданского общества и лишившись политических институтов, может стать носителем не столько общенациональных, сколько групповых интересов»<sup>10</sup>.

Осенью 1990 г., получив грант от испанских социалистов, я отправился в Мадрид изучать опыт демократического транзита в Испании и вернулся законченным «хуанкарлистом», то есть поклонником Хуана Карлоса I и его роли в постфранкистской Испании. По приезде я изложил свои монархические восторги Александру Абрамовичу. Он грустно посмотрел на меня и сказал: «Ну нет у меня для Вас такого короля».

В том же 1990 г. в ИОНе начал работать первый в стране специализированный диссертационный совет по политическим наукам, председателем которого стал Бурлацкий. Совет создавался при активной поддержке Красина и Галкина. Александр Абрамович принимал активное участие в обсуждении вопроса о номенклатуре специальностей по политическим наукам, что отражало общую дискуссию по структуре политологии.

«Конечно, науки пока нет, — писал в эти годы о политологии Александр Абрамович, — но, по крайней мере, налицо ее атрибутика. Правда, эта специфическая ситуация уже создала дополнительные сложности. Поскольку атрибутика есть, а науки нет, то начался процесс формирования политологии по принципу сборной солянки»<sup>11</sup>.

Я хорошо помню, как собиралась эта солянка, когда Георгий Хосроевич Шахназаров уговорил советское руководство и Исполком Международной ассоциации политических наук в 1979 г. провести Всемирный конгресс МАПН в Москве. Первой реакцией участников организационного совещания было не ликование, а ужас: у нас же нет политологии, на что мы напросились?! В ходе разговора выяснилось, что политологией занимаются все собравшиеся — юристы, историки, экономисты, социологи, философы. Все «говорили прозой», сами того не подозревая. Более того — советская политология оказалась междисциплинарной, методологически сплоченной, проблемно разнообразной, тесно связанной с практикой, многонациональной... Конгресс прошел на подъеме.

По ряду причин, связанных с особенностями становления политологии в СССР, политологические исследования долгое время концентрировались прежде всего в Институте государства и права АН, что неизбежно накладывало отпечаток на восприятие политической науки. Стремясь направить ее развитие в подобающее ей русло, Александр Абрамович постоянно повторял: «Государствоведение — это, строго говоря, еще не политология. Последняя начинается тогда, когда описание политических систем, режимов и институтов дополняется анализом политических процессов, действия всевозможных политических механизмов. Иными словами, объектом политологии должен быть не искусно выполненный муляж, а живой политический организм»<sup>12</sup>.

<sup>12</sup> Там же: 22—23.

При оценке политологических работ, в том числе поступавших в наш диссертационный совет, Александр Абрамович уделял особое внимание масштабу предлагаемых моделей. Не отрицая значения частных моделей, берущих за основу небольшой объект, легко обозримый, с малым числом переменных, он подчеркивал, что приносимая ими польза крайне ограничена. Как человек с боевым опытом, он сравнивал их с тактическими играми на ящике с песком, принятыми у военных. Потренироваться на таком ящике неплохо, но для того, чтобы выиграть войну, этого явно недостаточно.

Другим критерием качества политологических исследований для Александра Абрамовича выступала их связь с историей политической мысли, а также учет политической традиции, знание истоков и современного состояния политической культуры и ее главного субъекта — политического человека. В политологии Галкин был и остается историком, носителем гуманистических идей Возрождения и Просвещения, равно отвергающим как хаос, так и фатальную предзаданность общественной жизни и верящим в человека, его совесть и разум, его сознательное вмешательство в ход политических процессов.

Александр Абрамович — историк не только по образованию и складу мысли, но и по принадлежности к крупным историческим событиям. Он стоит на стыке двух поколений — военного и послевоенного (если судить о поколениях не только и не столько по датам рождений, сколько по событиям, вокруг которых формируются эти поколения, по кругу их проблем, по выбору решений и шкале оценок). Он взял

<sup>13</sup> *Флоренция в Москве: Идеи Макиавелли в России XXI века. 2002. — М. С. 76.*

<sup>14</sup> *Аверинцев С.С. 1995. В стихии большого времени: К 100-летию со дня рождения М.М.Бахтина // Литературная газета. № 46.*

лучшее от этих поколений: от военного — выдержку и решительность, от поколения «оттепели» — открытость ко всему новому, способность к критической оценке и переоценке личного и общественного опыта. Он сам когда-то сказал: «У поколения шестидесятников был нравственный постулат — постараться сделать хорошо для своей страны, влияя на систему принятия политических решений»<sup>13</sup>.

Поколения приходят, уходят, вот уже и восьмидесятники отмечают свои юбилеи, а Александр Абрамович все так же современен и интересен для читателей и собеседников. Его редкое свойство — жить сегодняшним моментом, откликаясь на злобу дня, и не быть его пленником. Действительно, как говорил когда-то Аверинцев о Бахтине<sup>14</sup>, он живет в Большом времени.

**О.В.Гаман-Голутвина**

## **В ДИАЛОГЕ С СОБСТВЕННОЙ СУДЬБОЙ**

Фантастический юбилей Александра Абрамовича Галкина (хотя при общении с юбиляром трудно удержаться от мысли об ошибке в документах о его рождении — настолько он открыт миру и полон планов) — не просто подарок судьбы, это дар воздаяния за достойные ответы на вызовы судьбы. Жизнь Александра Абрамовича — уникальный пример переплетения личной биографии и истории страны. Убеждена, что нравственный и профессиональный стандарт его отношения к себе и своей миссии задает высочайшую планку диалога человека с собственной судьбой.

Профессиональная и личная биография Александра Абрамовича многогранна. Но, бесспорно, одним из ключевых моментов этой достойнейшей биографии было участие в Великой Отечественной войне. В моем восприятии Великая война — важнейшая страница в истории нашей страны и, возможно, мировой истории в целом, поскольку в ней была одержана не только военная победа (значение этой победы очевидно, и оспаривание ее роли почти всегда недвусмысленно говорит о позиции оспаривателя...), но также победа *метафизическая*, победа над абсолютным злом. Примечательно, что Пасха 1945 г. пришлась на близкую ко дню Победы дату (6 мая), которая, помимо прочего, является еще и днем Святого Георгия Победоносца. Близость таких дат не может быть простым совпадением.

Есть имена и есть такие даты, —  
Они нетленной сущности полны.  
Мы в буднях перед ними виноваты, —  
Не замолить по праздникам вины...

Думаю, что участие в войне было — не могло не быть — тем событием, которое во многом определило мировоззрение Галкина и его дальнейшую жизненную траекторию. Научная деятельность Александра Абрамовича стала продолжением его участия в войне, в войне добра и зла, которая по большому счету никогда не прекращается, — изменилось только оружие. Совсем не случайно, что важнейшее место в его творчестве заняло исследование природы и различных воплощений фашизма, понимаемого не просто как политическая девиация, но как сложный, многоаспектный историко-философский, социально-психологический и даже антропологический феномен.

Эта сторона научного творчества Галкина хорошо известна, поэтому хотела бы остановиться на другой крайне значимой его части, а именно на изучении содержательных особенностей отечественной политики. Обращение Александра Абрамовича к российской тематике (несомненно, самоценной для него), полагаю, логично и с той точки зрения, что, несмотря на самоустранение — надеюсь, временное — нашей страны из числа мировых лидеров, происходящее в ней оказывает существенное влияние на мировое развитие.

Конечно, о России писали многие — все дело в оптике... Александр Абрамович исследует российские реалии, понимая отечественную политику как своеобразный сплав особенного и универсального. При этом он видит современную Россию предельно объемно, слышит полифонию очень разных ее голосов, точно улавливая нюансы, тонкости, детали...

Важнейшая часть этих исследований — анализ природы, своеобразия и перспектив гражданского общества в России. И этот угол зрения тоже не случаен, поскольку Галкин — убежденный сторонник демократии, и не только в профессиональном плане, но и в личной коммуникации. Он рассматривает феномен гражданского общества во всей его полноте, уделяя пристальное внимание как исторически обусловленным сложностям его становления, так и актуальным измерениям и нынешним «трудностям роста» гражданских институтов. При этом он свободен от догматики и того, что можно определить как «позитивную предвзятость», — отмечая сильные стороны и огромный потенциал гражданского общества, он вместе с тем указывает на опасность его абсолютизации: будучи продуктом групповой активности, оно несет в себе угрозу группового эгоизма. В этом отношении Галкин выступает продолжателем гегелевской традиции в понимании гражданского общества, неотъемлемой частью которой является осознание важности соединения группового интереса с общезначимым. В противном случае нам пришлось бы признать «ростками гражданского общества» и организованные преступные группировки ...

Тематика исследований Галкина весьма обширна, однако какая бы проблема ни выдвигалась в фокус его исследовательского интереса, неизменными качествами изысканий Александра Абрамовича остаются предельная фундаментальность и основательность, безусловная объек-

тивность и научная беспристрастность. Компетентность, глубокое владение предметом, заинтересованность темой — ключевые характеристики любой его работы.

Говоря об Александре Абрамовиче, нельзя не упомянуть его выдающуюся роль в становлении российской политической науки и формировании в нашей стране профессионального политологического сообщества. Сложность данного процесса была обусловлена тем, что, несмотря на богатейшее в содержательном отношении наследие отечественной *общественно-политической мысли*, появление в России собственно *политической науки* затруднялось целым рядом обстоятельств, включая критически важный факт позднего становления самой политики как самостоятельной сферы, не сводимой к административному управлению. Известно, что политика как отличный от административного управления феномен возникла в России на рубеже XIX—XX вв., чтобы вскоре вновь надолго уступить место доминированию административных механизмов.

Относительно быстрое становление новой российской политической науки стало возможно благодаря тому, что она опиралась не только на мировую исследовательскую традицию, наследие дореволюционной общественно-политической мысли (Б.Н.Чичерин, К.Д.Кавелин, В.О.Ключевский и др.) и достижения русского зарубежья (П.А.Сорокин, Г.П.Федотов, И.А.Ильин и др.), но также на исследования политики, которые, несмотря на идеологическую цензуру, проводились в СССР. И здесь работы Галкина, бесспорно, являются знаковыми. Вместе с коллегами — Г.Х.Шахназаровым, Ф.М.Бурлацким, Ю.А.Красиным, И.К.Пантиным и др. — он подготовил почву для развития нашей политологии как современной исследовательской и учебной дисциплины и, главное, *задал высочайший нравственный стандарт в научных исследованиях*. И в этом еще одна выдающаяся его заслуга.

Сердечные поздравления с юбилеем, дорогой Александр Абрамович!

## **О.М.Здравомыслова** **УЧЕНЫЙ И ГРАЖДАНИН**

Александр Абрамович Галкин проработал в Международном фонде социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд) 20 лет — со времени его основания в 1992 г.

Команда Горбачев-Фонда, сложившаяся в 1990-е годы, — это коллектив мыслящих, общественно активных людей, объединившихся вокруг бывшего президента Советского Союза М.С.Горбачева. Понимая

огромную историческую ценность завоеваний перестройки — гласности, курса на обновление и демократизацию общественной жизни, демонтажа тоталитарных структур в политике и массовом сознании — они ставили своей целью не дать заглушить импульс эпохи, которую называют «прорывом к свободе». Это потребовало от них не только убежденности и профессионализма, но и интеллектуального и гражданского мужества, поскольку с самого начала им пришлось преодолевать сопротивление, связанное с новым политическим курсом, который все больше расходился с установками горбачевской эпохи.

Для Александра Абрамовича пребывание в команде Горбачева стало естественным и органичным. Задолго до этого он получил известность в нашей стране и мире как один из авторитетных исследователей германского фашизма. Скрупулезно изучая исторические корни, признаки и формы проявления фашизма, Галкин пытался определить, насколько реальна его опасность для современного мира, в том числе для России, в которой он, будучи прежде всего историком, не мог не зафиксировать тенденцию к ослаблению «иммунитета» перед фашистской угрозой.

Галкин рассматривает фашизм как неадекватную, катастрофическую реакцию общества на разрушительный социально-политический кризис, базирующуюся на иррационализме, возрождении архаических страхов и отрицании самой возможности развиваться, опираясь на идеи свободы и права. Этот подход, одновременно аналитический и гражданственный, который обосновывает в своих работах Галкин, оказался созвучен духу дискуссий о новейшей истории и современной ситуации, организованных Горбачев-Фондом.

На протяжении 20 лет работы в Фонде Александр Абрамович был постоянным участником его конференций, круглых столов и многих проектов.

В 2000-е годы он сосредоточился на изучении архивных материалов эпохи перестройки. Результатом скрупулезной профессиональной работы Галкина (совместно с А.С.Черняевым) над записями переговоров Горбачева с немецкими политиками и лидерами мировых держав, письмами, материалами обсуждений германского вопроса на заседаниях Политбюро ЦК КПСС стал выпущенный Горбачев-Фондом сборник документов «Горбачев и германский вопрос». Эта книга была опубликована издательством «Весь мир» в 2006 г., а в 2011 г. переведена на немецкий язык мюнхенским издательством Oldenbourg Verlag.

Ученый, превыше всего ценящий неуклонное следование фактам, стремление описывать всю сложность, противоречивость событий и в то же время продвигаться к пониманию их настоящих причин и следствий, Александр Абрамович решительно отвергает политически ангажированную (а значит, непрофессиональную и недобросовестную) позицию. Это в полной мере проявляется в его работах, посвященных перестройке. Среди них и последняя по времени статья «„Сто дней“ Горбачева», где идет речь о заключительном периоде существования

<sup>15</sup> Галкин А.А. 2011. «Сто дней» Горбачева // Два путча и распад СССР. Горбачевские чтения. Вып. 9. — М.

<sup>16</sup> Там же: 61, 96.

Советского Союза — от поражения августовского путча до подписания Беловежских соглашений<sup>15</sup>.

Понимая, что «вопросы — как „это“ могло случиться?! — задают до сих пор», Галкин, основываясь на документальных свидетельствах, в том числе на не публиковавшихся ранее материалах архива Горбачев-Фонда, последовательно, день за днем описывает драму противостояния Горбачева и Ельцина и борьбу Горбачева за сохранение СССР, делая принципиально важный вывод: «Трактовать тот период иначе, чем трагическим, было бы неправомерным. Путчисты, продержавшиеся три дня, нанесли стране такую рану, которая поставила под вопрос само ее существование... Путч и обстоятельства его подавления выбили из рук высшей, перестроечной власти рычаги воздействия на ход событий»<sup>16</sup>. Вместе с тем, последовательно проводя мысль, что история всегда альтернативна, а не задана фатально, он тщательно исследует набор конкретных причин того «варианта событий, который был реализован на практике».

Эта статья — лишь один из множества примеров высокопрофессиональной работы Галкина-исследователя и его ответственной, принципиальной позиции гражданина. Редкое сочетание, которое отличает Александра Абрамовича как человека и замечательно проявляется в его работах по истории и политологии.

**Л.Е.Бляхер**

## **БЕЗ ПАФОСА И ФАЛЬШИ**

Писать о таком человеке, как Александр Абрамович, очень легко — и необычайно трудно. Легко, поскольку о ярком, неординарном человеке писать всегда легко. Есть что писать. Есть «лица не общее выражение». Трудно потому, что существует опасность упустить какую-то крайне важную, значимую черту, без которой портрета не получится. Ведь в такой личности всегда всего много. И все важно.

Важно, очень важно, что в жизни Галкина была война. Самое грозное испытание, выпавшее на долю человечеству в прошлом столетии. Такой опыт бесценен для становления личности. Он, наверное, и дает ту отправную точку, которая позволяет оценить все случившееся после. Дает то, что М.М.Бахтин назвал «избытком видения», делающим человека ответственным в своих поступках, сообщающим значимость его суждениям.

Наверное, не менее важна и журналистская деятельность. К сожалению, тягучесть стиля, неудобочитаемость долгие годы были почти нормой в научном сообществе СССР. Думаю, что умение Галкина гово-



<sup>17</sup> Витгенштейн Л. 2008. *Логико-философский трактат*. — М. С. 32.

речь о сложнейших вещах просто, понятно и глубоко идет от периода журналистской деятельности. «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно», — констатировал классик<sup>17</sup>. Этой заповедью, судя по текстам и публичным выступлениям, руководствуется и Александр Абрамович.

Конечно, крайне значимы годы работы в ИМЭМО и ИМРД. Это не только защита докторской диссертации, завершение профессионального становления, но и становление очень интересной идеологической позиции. При всем том, что эти институты — порождение советской власти, плоть от плоти ее, они каким-то диковинным образом были одновременно и рассадниками самого невероятного свободомыслия. Для «критики буржуазных фальсификаций», для «поддержки международного рабочего движения» их сотрудники получали высочайшее дозволение на чтение зарубежных текстов, недоступных не только основному массиву сограждан, но и существовавшему в те годы «профессиональному сообществу», продолжавшему комментировать решения очередных «исторических съездов».

Были ли люди, работавшие в этих структурах, диссидентами? Думается, что нет. Просто их картина реальности оказывалась более сложной, более объемной, чем у других. Их идеи зачастую опережали уровень не только советских обществоведов, но и западных коллег. Такая сложность мировоззрения, стремление увидеть разные повороты в «линейном», казалось бы, событии, явлении — отличительная черта текстов Галкина. Конечно, есть здесь и роль такой неуловимой материи, как талант, чувство стиля. Но есть и то, что делает жизнь Александра Абрамовича своего рода квинтэссенцией судеб отечественной гуманитарной интеллигенции.

Именно здесь, в этом слое, сформировалось уникальное, до сих пор неоцененное, к несчастью, интеллектуально-нравственное явление — идеал личной свободы и достоинства. Он проистекал из широты кругозора и уверенности в своей квалификации и выражался в спокойном, но настойчивом стремлении понять, разобраться. Не осуждать, не клеймить, но попытаться ответить на фундаментальный кантианский вопрос: как возможна наша действительность? Почему она такая, а не иная?

При этом не допускалось, категорически не допускалось какое-либо вторжение в частную сферу, в собственную интеллектуальную и частную жизнь. В том слое, к которому принадлежал Галкин, и складывалось то самое «непоротое» поколение, которое должно было по идее стать во главе общества. Поколение, где слова «честь», «свобода», «приватность» перестали быть абстрактными категориями, превратившись в основу групповой идентификации, самоотождествления.

Казалось, еще немного — и именно эти люди станут образцом социального поведения и политического существования. Не случайно в какой-то момент именно они, такие как Александр Абрамович или его ученик Алексей Михайлович Салмин, становятся консультантами

«сильных мира сего». Период конца 1980-х годов, при всех нарастающих трудностях и неприятностях, был временем надежд. И символом этих надежд были такие люди, как Галкин.

Не случилось. На авансцену отечественной политики вышли другие люди, с другими ценностями, а точнее, с их отсутствием. Видимо, слой людей чести был слишком мал для того, чтобы победить Великого Хама в человеческих душах. Но даже не победив, они оставили нам образцы поведения, образцы общения, образцы преданности своей теме — и своей судьбе. И Александр Абрамович действительно демонстрирует редкостную преданность одной теме — борьбе с фашизмом.

Здесь не только военные годы или работа в Советской военной администрации. Это большая часть его наследия. Он видел монстра в его силе. Он участвовал в его ниспровержении. Да, чудовище было повержено — но не уничтожено. Причина проста. Слишком многое в его строении было не понято, слишком многое понято превратно, чересчур линейно. И вот монстр вновь и вновь оживает, требуя новых жертв.

В свое время, как показывает Галкин, Европа не просто «заслонилась» фашизмом от коммунизма, но сделала его знаменем в борьбе с национальным унижением<sup>18</sup>. И сегодня история грозит вернуться в ту же трагическую точку. Жестокая прививка второй мировой войны, прививка от «консервативной революции», перестает действовать, а ужас перед наплывом мигрантов, чуждых по культуре и менталитету, грозящих традиционному образу жизни европейцев, нарастает. Такая апокалиптическая картина реальности, наверное, вызвала бы оторопь, если бы ее рисовал другой человек. Но есть особая «магия Галкина», магия сильного человека, любящего жизнь и умеющего жить достойно. Его тексты, его выступления вселяют не пессимизм, но желание бороться, желание жить и выстраивать свою жизнь.

Полон ли нарисованный мной портрет? Конечно, нет. В нем нет десятков талантливых учеников, представляющих политическую науку сегодня. Нет и многих и многих людей, для которых «отдел Галкина» оказывался тихой гаванью в бурном море преследования инакомыслящих, а его дружба — спасением. Много чего нет. В некоторых моих текстах<sup>19</sup> встречается мысль, что, несмотря на обилие политологов, политических философов и политических аналитиков, политология в России, к сожалению, не состоялась. Оснований для таких не особенно радостных выводов предостаточно. Но главный смысл «писания портрета» Галкина, неизбежно эскизного, в том, чтобы противопоставить когорте тех, кто жрец науки потому, что «жрет» от науки, образ настоящего ученого, настоящего Человека.

<sup>18</sup> Галкин А.А. Фашизм как болезнь общества (<http://www.polit.ru/article/2006/05/08/galkin/>).

<sup>19</sup> Бляхер Л.Е. 2001. Парадоксы региональной политологии (Записки провинциала) // Полис. № 6.